

«Война – это великое дело государства, основа жизни и смерти, Путь (Дао) к выживанию или гибели. Это нужно тщательно взвесить и обдумать».

Сунь Цзы¹, VI в. до н.э.

Сегодня мировая общественность, военные, дипломаты и политики озабочены, прежде всего, проблемой международного терроризма, распространением оружия массового уничтожения, выработкой и согласованием способов и методов борьбы с этим злом. Проблема ядерной политики и ядерной стратегии на этом фоне отошла на второй план. Что касается России, то в рассматриваемой сфере практически все вопросы уже обсуждены, решения приняты, оформление этих решений в официальные документы находится в стадии завершения. Поэтому можно считать, что данная работа написана как бы «вдогонку» уже принятым решениям.

Вместе с тем автор уверен, что подобного рода рассуждения в любом случае никак не смогли бы повлиять на принятие решений в сфере ядерных вооружений, политики и стратегии России. Подтверждением этому являются многолетние дебаты в открытой печати по названным вопросам, которые происходили и происходят в основном между экспертами, не являющимися представителями официальных исполнительных структур власти. Периодические же выступления высокопоставленных военных только подтверждают печальный вывод о том, что власть не готова к открытому диалогу по этим вопросам и не желает даже обсуждать многочисленные и часто весьма обоснованные предложения независимого научного сообщества.

По этой причине приведенные ниже соображения и размышления не следует рассматривать как очередную попытку привлечь внимание властей к названной проблеме, а невольно высказанные рекомендации – как какую-либо надежду автора на их практическое осуществление. Это – всего лишь своего рода эссе, являющееся попыткой «примерить» стратегическую мысль прошлого (прежде всего древних китайских стратегов) к реалиям современного ядерного века.

Почему нас так заинтересовали взгляды авторов древних текстов по стратегии? Очевидно, они привлекают ясностью и завершенностью мысли, изяществом логических построений, простотой изложения сложнейших вещей. Кроме того, при внимательном прочтении эти труды поражают своей актуальностью, в чем и состоит их непреходящее значение. Автор надеется, что в данной работе ему удалось хотя бы частично подтвердить этот вывод.

«...тот, кто следит за обороной земель, не окажется в опасности...»

Вэй Ляоцзы, IV в. до н.э.

ВЕРИМ ЛИ МЫ В ВОЗМОЖНОСТЬ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ?

На этот достаточно риторический вопрос даже среди экспертного сообщества России существуют прямо противоположные ответы: от полного отрицания возможности возникновения ядерного конфликта с участием нашей страны до выдвижения тезиса о возрастании такой вероятности в последние годы.

Существует и более фундаментальное противоречие, связанное с оценкой самой сущности ядерного оружия. Одни утверждают, что это оружие по сути дела оружием не является, поскольку им невозможно воевать. В указанной связи оно способно выполнять исключительно роль «сдерживания» вероятного противника от нападения и не способно быть инструментом достижения победы в войне.

Другая точка зрения заключается в том, что ядерное оружие все-таки является оружием в полном смысле этого слова. Для его применения определены соответствующие условия, оно находится на боевом дежурстве, оно способно решать конкретные задачи в ходе вооруженного конфликта, оно, в конечном итоге, являлось и является основой безопасности нашей страны как в прошлом, так и в настоящее время именно в силу возможности его применения. И если бы ядерное оружие не было оружием как таковым, то оно не было бы способно выполнять и функцию сдерживания и предотвращения войны.

Не вставая ни на одну из этих точек зрения, лишь подчеркнем, что если большинство из исследователей данной проблемы не видят рациональных вариантов применения ядерного оружия, то это отнюдь не означает, что такие варианты отсутствуют вообще. Чтобы их найти, нужно всего лишь «тщательно взвесить и обдумать» эту проблему хотя бы для того, чтобы подкрепить или опровергнуть в основном интуитивные умозаключения отдельных авторов по вопросу о практической возможности или нереальности разработки «действующей» ядерной стратегии и ядерной доктрины, лежащей в ее основе.

Как представляется, на сегодня существует достаточная ясность в вопросе о том, что распад СССР и ликвидация в конце прошлого века биполярной модели международных отношений, наряду с прочим, резко усложнили проблему обеспечения национальной безопасности для России. С одной стороны, конец конфронтации с главным вероятным противником – США и НАТО – резко уменьшил вероятность глобального конфликта с применением оружия массового уничтожения и открыл путь к осуществлению широких сокращений накопленных за годы холодной войны арсеналов стратегического и тактического ядерного оружия. С другой стороны, возник целый ряд новых угроз, требующих адекватной реакции всех структур нашего государства для обеспечения мирной и безопасной жизни его граждан.

Также понятно, что далеко не всегда решению этих задач может способствовать ядерное оружие. Поэтому нельзя не признать, что ядерное оружие не является универсальным средством обеспечения безопасности. Более того, использование этого оружия Россией должно считаться крайне маловероятным, поскольку сценарии крупномасштабной агрессии против нашей страны, способные привести к ситуации, требующей принятия решения о применении ядерного оружия, также имеют весьма низкий уровень вероятности.

Тем не менее полностью игнорировать такие крайне неблагоприятные варианты развития военно-политической ситуации Россия не может. Как повторяли древние из одного военного трактата, «те, кто забывает о войне, неизбежно окажутся в опасности» (Методы Сыма – «Сыма фа», IV в. до н.э.) и «подлинное сокровище на Пути (Дао) обеспечения безопасности государства – это предусмотрительность. Если вы обеспокоены, несчастий можно избежать» (У-цзы, V–IV в. до н.э.). О том же говорит и цитата из Вэй Ляоцзы, вынесенная в эпиграф данного раздела. Следуя подобным, пусть и прописным, но все

же истинам, Россия и в обозримом будущем наверняка будет сохранять и поддерживать свой потенциал ядерного сдерживания, в то же время пытаясь максимально адаптировать его к изменившимся условиям в мире, исходя из собственных экономических возможностей и приоритетов военного строительства. Поэтому «вера» в невозможность возникновения ядерного конфликта не перевешивает необходимости быть «предусмотрительными» в вопросах безопасности и совершенствовать свою оборону исходя из еще одного принципа, выдвинутого великим полководцем и стратегом древнего Китая Сунь Цзы: «...не полагайся на то, что враг не придет, полагайся на средства, которыми располагаешь, чтобы принять его».

Следует отметить, что концептуальные изменения в подходах России к вопросам ядерной политики уже произошли и, по всей видимости, будут еще происходить в обозримый период. Так, во времена «холодной войны» одним из основных принципов строительства стратегических сил СССР являлся принцип «одинаковой безопасности», требовавший учета всех факторов, определяющих стратегическую ситуацию. На практике это означало не только поддержание паритета (равенства) в стратегических силах с США, но и наличие дополнительных сил, «компенсирующих» ядерные вооружения Англии, Франции и нестратегические средства передового базирования США, способные достигать территории Советского Союза. Кроме того, считалось вполне обоснованным иметь и определенный «запас» стратегических сил в расчете на ядерный потенциал Китая.

Все это вело к значительной переоценке потребностей в ядерных силах СССР, а также создавало серьезные препятствия на переговорах с США, отстаивавших принцип «равенства» в стратегических вооружениях сторон и не признававших право на вышеуказанную «компенсацию» для СССР.

Кроме того, поддержание на чрезвычайно высоком уровне стратегического ядерного потенциала СССР диктовалось и политическими причинами. Руководство Советского Союза считало весьма важным продемонстрировать всему миру свою способность как минимум на равных соперничать с Западом в военной сфере. И наличие огромного ядерного арсенала было наиболее наглядным примером военной мощи СССР.

Сегодня в силу целого ряда объективных обстоятельств России, видимо, придется отказаться от принципа поддержания паритета (равенства) не только с основными ядерными державами в совокупности, но и с Соединенными Штатами в отдельности. Тем более что политическое значение ядерного арсенала если и не сходит на нет, то играет сегодня несравненно меньшую роль, чем в период глобальной конфронтации. На первый план сейчас выдвинут тезис об укреплении стратегической стабильности на основе опоры на ядерное сдерживание. И эта проблема требует отдельного рассмотрения.

«Для того, чтобы предотвратить выступление врага, покажи ему (возможный) вред этого».

Сунь Цзы

ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ

Поразительно, насколько современно звучат некоторые высказывания древних китайских стратегов. Ведь в цитате, вынесенной в эпиграф данного раздела, в концентрированной форме выражена суть стратегии ядерного сдерживания. Действительно, чтобы *предотвратить* нападение вероятного противника, необходимо именно *показать* (продемонстрировать) неотвратимость возмездия, т.е. тот «*вред*», который будет причинен ему в результате ответных действий.

Сунь Цзы также считал нападение на укрепленные города (крепости) противника «самым последним» действием в цепочке эскалации противостояния («... *высшее пресуществление войны – разрушить планы врага; затем – разрушить его союзы; затем – напасть на его армию; и самое последнее – напасть на его укрепленные города*»). И хотя, естественно,

эти «рекомендации» давались применительно к прежним условиям войн, «нападение на города» противника с точки зрения современной ядерной стратегии – это действительно «самое последнее», что может или успеет сделать одна из сторон ядерного конфликта.

Феномен ядерного сдерживания достаточно хорошо изучен как зарубежными, так и российскими исследователями. Поэтому остановимся лишь на одном из ключевых вопросов, связанных с этой проблемой. А именно – сколько сил необходимо иметь для того, чтобы сдерживание «работало», т.е. давало полную уверенность в том, что вероятный противник не осмелится на применение своего ядерного оружия перед угрозой неотвратимого возмездия.

Самое интересное в этом вопросе, на наш взгляд, это то, что в результате многолетних дебатов и изучения данной проблемы так и не была предложена конкретная величина ядерного арсенала, дающая такую гарантию. Как правило, количество необходимых сил для осуществления эффективного сдерживания считается величиной относительной. Она, по мнению большинства аналитиков, зависит от состава, количественной и качественной структуры как собственных сил, так и сил вероятного противника. При этом вопрос о действенности (кредитоспособности) ядерного сдерживания весьма часто сводится к оценке количества ядерных вооружений, способных пережить первый удар врага. Для моделирования различных вариантов применения стратегических сил в СССР (России) и США были созданы соответствующие компьютерные программы. Иногда в это «уравнение» пытаются ввести фактор живучести системы боевого управления и связи, хотя он практически не поддается количественному или иному конкретному измерению.

На названных положениях строится и официальный подход России к ядерному сдерживанию. Так, в Военной доктрине РФ выдвигается требование о том, что Россия должна обладать таким ядерным потенциалом, который способен гарантированно нанести «заданный ущерб» агрессору «в любых условиях». Худшим из таких условий, видимо, следует считать сценарий неожиданного массированного удара по стратегическим ядерным силам (СЯС) России. Иными словами, российские ядерные силы должны иметь способность «пережить» такой неожиданный удар и в ответных действиях нанести агрессору (как отдельно взятому государству, так и коалиции таких государств) «заданный ущерб». Но при этом не совсем ясно, кто «задает» этот «ущерб» и по каким критериям осуществляются соответствующие расчеты. Впрочем, эта работа написана не для того, чтобы подвергать критике официальные подходы России к ядерному сдерживанию.

При всей возможной доказательности названного подхода, автора не покидает чувство некоторого отрыва от реальности, на котором этот подход строится. Так, при расчетах эффективности первого и ответного ударов эксперты оперируют сотнями и даже тысячами ядерных боеголовок большой мощности, которые необходимы для подавления наступательного потенциала вероятного противника. Задача, которая ставится перед первым ударом, – максимально ослабить ответный удар до уровня, «приемлемого» для агрессора. На таких расчетах практически строится вся теория ядерного сдерживания, принимаются решения о программах в области стратегических ядерных вооружений, оценивается возможная эффективность систем противоракетной обороны и т.п.

При этом мало кто задумывается о последствиях – как для жертвы нападения, так и для самого агрессора, к которым может привести столь массированное применение ядерного оружия. Ведь еще в 80-х гг. прошлого века ученые-экологи достаточно убедительно доказали катастрофические последствия для всего земного шара одновременного взрыва даже десятков, не говоря уже о сотнях или тысячах ядерных боезарядов большой мощности. Тем не менее мы продолжаем оперировать безнадежно устаревшим «критерием Макнамары» – ударом в масштабах 400 ядерных боезарядов мегатонного класса как «неприемлемым ущербом» только для одной из сторон ядерного конфликта. Но такой ущерб будет неприемлемым и в глобальном плане – для всех государств мира, равно как и ядерный удар гораздо меньшего масштаба (ряд ученых говорит максимум о 100–150 одновременных взрывах, которые приведут к необратимым последствиям для экологии Земли и к эффекту «ядерной зимы»).

В указанной связи, как представляется, давно назрел вопрос о принятии более реально-го критерия неприемлемого (или «заданного») ущерба. Этот критерий, даже с определенным «запасом прочности», не должен превышать одновременный удар в масштабе более 200 стратегических ядерных боезарядов, или 300 таких зарядов при сценарии обмена ударами (150–200 зарядов с одной стороны и 100–150 зарядов в ответном ударе – с другой). Несогласным можно порекомендовать почаще смотреть хронику ядерных испытаний, особенно водородных взрывов, и напрячь свое воображение, представив эффект от нескольких сотен вспышек и «атомных грибов», покрывающих территорию какой-либо страны или континента.

Это должно означать, что планирование первого удара в масштабе более 200 стратегических боезарядов является не только иррациональным, но и самоубийственным в прямом смысле этого слова. Из этого может последовать ряд серьезных выводов, касающихся и построения собственных сил исходя из уровня их живучести, и оценки угрозы первого удара, и планирования ядерных операций, и перспектив дальнейших сокращений ядерных вооружений в связи с пересмотром потребностей, а также других важных аспектов ядерной политики и стратегии. Но, как мы уже говорили, выдача практических рекомендаций не входит в задачи настоящего исследования. Вместо этого продолжим наши рассуждения.

«Военные дела не определяются приказами правителя, все они исходят от полководца».

Шесть секретных учений Тай-гуна, по некоторым предположениям, XI в. до н.э.

«Главное, никогда не думать!»

Знаменитый ответ командиров подразделений японской армии на вопрос сёгуна о главном принципе успешной военной стратегии, XVII в.

ЯДЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ И ЯДЕРНАЯ ТАКТИКА

Видимо, в силу огромной разрушительной мощи, возможности массированного применения, быстрого и ужасающего эффекта, операции с применением ядерного оружия большой дальности относят к категории «стратегических». Да и сами эти силы и отдельные системы оружия имеют соответствующие названия: «ракетные войска стратегического назначения», воздушные и подводные «стратегические ракетносцы» («ракетные подводные крейсера стратегического назначения») и т.п. Но все же, исходя из классических определений, ничто не мешает нам разделить стратегию и тактику в целях проведения более тщательного анализа.

Так, по Клаузевицу, «тактика есть учение об использовании вооруженных сил в бою, а стратегия – учение об использовании боев в целях войны». Целью войны при этом является «принудить противника выполнить нашу волю». Применительно к современным установкам такой целью следует считать принуждение противника к прекращению военных действий на приемлемых для России условиях². Такое «принуждение» противника, даже в свете официальных установок военного руководства РФ, отнюдь не предусматривает какого-то одноразового воздействия на врага, а состоит из нескольких этапов, включая этапы применения стратегических ядерных сил – от «демонстрационных» ударов до нанесения противнику «заданного ущерба». Иными словами, тактика ведения ядерной войны если и не разработана в полной мере, то и не отвергается на уровне официальной военной мысли России.

В указанной связи одно из центральных мест в данной сфере должно занимать формулирование задач для стратегических ядерных сил. Исходя из официальных документов

и выступлений представителей военного ведомства, они сводятся к трем основным категориям:

- отражение воздушно-космического нападения;
- разгром вооруженных сил противника;
- подавление (уничтожение) его военно-экономического потенциала.

В Военной доктрине РФ цели применения Вооруженных сил и других войск сформулированы как «отражение агрессии, нанесение поражения агрессору, принуждение его к прекращению военных действий на условиях, отвечающих интересам Российской Федерации и ее союзников». При этом не трудно увидеть, что Военная доктрина РФ предусматривает использование ядерного оружия с целью решения тех же самых задач, которые должны решаться и при неядерной войне – региональной или крупномасштабной.

Но если стратегические ядерные силы должны выполнять названные задачи, то риск всеобщего уничтожения значительно увеличивается. Стоит только представить, что при определенных обстоятельствах президент РФ примет решение о применении ядерного оружия и делегирует соответствующие полномочия военному руководству страны, воспользовавшись «ядерным чемоданчиком». Военные, в силу необходимости выполнения названных задач, должны действовать с максимальной эффективностью и быстротой, т.е. «не думать», а выполнять полученный приказ. А это означает, что в первую очередь объектами ударов станут средства доставки ядерного оружия противостоящей стороны, группировки его вооруженных сил, система управления и военно-экономический потенциал.

Совершенно очевидно, что попытка выполнить эти задачи в полном объеме приведет к катастрофическим последствиям как для страны-агрессора, так и для обороняющейся стороны. И не стоит, видимо, лишний раз говорить о том, что подобный сценарий, скорее всего, приведет к неконтролируемой эскалации ядерного конфликта до глобальных масштабов, даже если объектом первого применения СЯС России станет неядерное «государство-агрессор» или же одна из «третьих» ядерных держав, значительно слабее России в этих вооружениях.

Принятие решения о применении ядерного оружия политическим руководством страны с передачей полного контроля над его использованием (делегируемые полномочия) военным является крайне рискованным именно в связи с теми задачами, которые должны будут выполнить стратегические силы России после получения соответствующего приказа и кодов на разблокировку стратегических систем оружия.

Поэтому стоит задуматься над вопросом о том, должны ли стратегические ядерные силы, как и ядерное оружие вообще, выполнять те же боевые задачи по отражению агрессии, которые возлагаются на вооруженные силы страны в целом, даже имея «соблазн» достичь тактического превосходства и быстро решить поставленные перед ними «традиционные» задачи. И существует ли возможность и необходимость сохранения контроля со стороны политического руководства страны над действиями военных после того, как решение о применении ядерного оружия было принято? Ответы на эти вопросы пока остаются открытыми.

«У-хоу спросил: «Что обеспечит победу солдатам?»

У Ци ответил: «Управление – это главное».

У-хоу спросил снова: «А разве не число?»

У-цзы, V–IV в. до н.э.

ПРОБЛЕМА УПРАВЛЕНИЯ И ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Одной из отличительных черт современного механизма ядерного сдерживания является быстрота реагирования на складывающуюся оперативную ситуацию. Так, в случае по-

лучения оповещения со средств раннего предупреждения, а также в случае подтверждения сигнала о ракетно-ядерной атаке президент страны в течение весьма короткого промежутка времени (исчисляемого минутами) должен принять решение относительно осуществления ответных действий, т.е. воспользоваться «ядерным чемоданчиком» и делегировать полномочия на применение ядерного оружия военным. Эта схема была отработана годами как в СССР, так и в США. Сегодня она остается в силе. При этом даже не скрывается, что американского и российского президентов (где бы они ни находились – в стране или за рубежом) постоянно сопровождает офицер, имеющий при себе данное устройство, которое позволяет немедленно связаться с соответствующими исполнителями и разблокировать коды запуска ракет.

Как представляется, подобная схема принятия решений рассчитана на вариант, когда по стране неожиданно наносится массированный удар с использованием сотен боеголовок. При этом перед руководством встает вопрос: запустить ли свои ракеты до того, как они будут уничтожены на стартах, или же пойти на риск резкого (если не полного) уменьшения собственных способностей по нанесению ответного удара в результате потери как значительного количества своих вооружений, так и, возможно, контроля над оставшимися силами.

Но при любых других вариантах развития событий, таких, как постепенная эскалация конфликта, предупреждение о пуске ограниченного количества ракет или одиночного запуска, такого немедленного решения об ответных действиях не требуется. Более того, такое решение, принятое поспешно и без серьезного анализа обстановки, может иметь катастрофические последствия для безопасности страны, поскольку вероятность просчета в этом случае является весьма высокой.

Можно представить себе целый ряд сценариев, ничуть не менее вероятных, чем неожиданный массированный удар по российским СЯС со стороны Соединенных Штатов (поскольку только США теоретически обладают способностью уничтожения значительного количества российских стратегических систем на стартах), при которых немедленного решения о применении ядерного оружия не требуется. Как мы говорили выше, само планирование неожиданного массированного противосилового удара в масштабах свыше 200 ядерных боезарядов является иррациональным и самоубийственным.

Но все дело в том, что система принятия решений о применении ядерного оружия как раз и рассчитана на этот наименее вероятный сценарий. Но и при любом развитии событий за рамками такого сценария процедура принятия решений президентом страны, как мы полагаем, остается неизменной: ему отводится несколько минут на то, чтобы «успеть» делегировать полномочия на применение российских ядерных систем военным, после чего контроль над этими вооружениями (а возможно, и над всей стратегической ситуацией) им, скорее всего, полностью утрачивается.

Следует отметить, что как российские, так и западные исследователи предлагали свой путь решения проблемы – снижение боеготовности стратегических систем. Не вдаваясь в подробности, отметим, что теоретически такие действия могут способствовать укреплению стабильности, давая руководству противостоящих государств больше времени на обдумывание соответствующих решений. Во всяком случае, сначала пришлось бы принимать решение о восстановлении боеготовности собственных СЯС и только затем – об их применении.

Но все же, как представляется, полностью решить проблему укрепления безопасности снижение боеготовности не позволит хотя бы потому, что и в подобном варианте фактор времени снова будет играть решающую роль. Ведь та из сторон, которая сумеет быстрее восстановить готовность собственных вооружений к применению, получит мощный стимул для нанесения упреждающего удара по неготовому противнику. Иными словами, решение о применении своих СЯС уже как бы «запрограммировано» при подобном варианте развития событий. Такое решение равнозначно объявлению мобилизации, которая, по словам известного советского военного стратега Б.М. Шапошникова, есть не только «одиум» (преддверие) войны, но и сама война.

В древнем Китае военная сфера деятельности была четко отделена от гражданской. После назначения полководца и соответствующего ритуала в Храме предков с вручением полководцу топоров «фу» и «юэ» гражданский правитель не только снимал с себя всю ответственность за ведение войны, но и не имел права вмешиваться в решения, принимаемые облеченным военной властью лидером армии.

Сегодня мы видим схожий ритуал, в котором роль священных топоров играют «ядерный чемоданчик» и коды на разблокировку систем ядерных вооружений. После передачи этих кодов военным президент страны (как России, так и США) вряд ли сможет вмешаться в ход последующих событий. Стоит задуматься, насколько «хороша» такая процедура в XXI веке, когда война действительно становится «путем к выживанию или гибели» уже не отдельного государства, а всего мира.

«Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума...»

Карл фон Клаузевиц

ГРАНИЦЫ «РАЗУМНОСТИ»

Разумность руководителя, имеющего в своем распоряжении такое мощное и обоюдоострое оружие, как ядерное, и который к тому же объявляет, что при определенных условиях готов применить его первым, должна заключаться в способности рассчитывать свои действия на несколько шагов вперед в условиях кризиса и предугадывать вероятный ответ на эти действия со стороны вероятного противника. При этом свести все варианты таких действий к принятию решения о применении ядерного оружия или к отказу от такого шага просто-напросто неразумно. В первом случае слишком велик риск всеобщего уничтожения; во втором – это демонстрация противнику своей нерешительности и «паралича воли», что может вселить в него уверенность в безнаказанности продолжения агрессии.

Военно-политическое руководство России, видимо, вполне это осознает, в связи с чем выдвигает тезис о возможности нанесения «демонстрационных» ядерных ударов, которые бы предшествовали более высокому уровню эскалации. Некоторые из аналитиков предлагают выработать систему «предъядерного сдерживания»³, которая бы предполагала опору на высокоточное оружие большой дальности для уничтожения «объектов высокой ценности» на территории противника с целью продемонстрировать собственную решимость повысить уровень эскалации.

Мы считаем, что в данном случае военная мысль движется в правильном направлении, хотя предложенные варианты оставляют больше вопросов, чем ответов. Как представляется, «техническая» разработка тактики стратегического сдерживания, вернее, эскалационного контроля, не может дать положительного результата без самого серьезного учета морально-психологического фактора.

Руководитель страны, поставленный в ситуацию, когда ему приходится принимать решение о повышении уровня эскалации, вряд ли должен действовать по однажды утвержденной схеме. При этом, по нашему мнению, худшим решением является самоустранение от ответственности путем делегирования полномочий на применение ядерного оружия военным.

Здесь следует особо подчеркнуть, что усиление контроля над стратегическими вооружениями России со стороны политического руководства страны отнюдь не подразумевает, что военным нельзя доверять. Военные, не хуже чем гражданские лица (а может быть, и гораздо лучше), понимают все последствия применения оружия массового уничтожения. В то же время после получения соответствующего приказа они будут обязаны в полном объеме выполнить чисто военные задачи, которые на них возлагаются.

Но дело все в том, что ядерное оружие не является всего лишь более мощным оружием «традиционного» типа. Поэтому, как мы уже говорили, на него нельзя возлагать точно такие же («традиционные») задачи, которые выполняют обычные вооружения и вооруженные силы в целом. Более того, в кризисной ситуации представляется крайне важным как можно дольше «оттянуть» срок принятия решения о применении ядерного оружия. В этой связи выработка стратегии «предъядерного сдерживания» может сыграть весьма важную и, надеемся, положительную роль.

Как мы полагаем, стратегия «предъядерного сдерживания» может заключаться в следующем⁴. В случае возникновения серьезного международного кризиса с участием нашей страны, боевых действий ограниченного характера с угрозой их перерастания в более серьезный конфликт, руководство России путем осуществления ряда последовательных военных акций пытается заставить противника (агрессора) прекратить действия против нашей страны и принять условия, выгодные или приемлемые для нас.

При этом необходимо продемонстрировать решимость российского руководства повышать степень эскалации вплоть до применения ядерного оружия, в то же время твердо зная, что эту грань переступать нельзя. Здесь в полной мере можно было бы воспользоваться «наставлениями» Сунь Цзы, который говорил о том, что наилучшее – это сохранить столицу государства врага, на втором месте – разрушить его столицу; наилучшее – сохранить его армию, а на втором месте – разбить ее: «... одержать сто побед в ста сражениях – это не вершина превосходства. Подчинить армию врага, не сражаясь, – вот подлинная вершина превосходства». Можно воспользоваться также и многими другими положениями «Искусства войны», которые оказываются весьма актуальными в современных условиях.

Названные акции не должны иметь своей целью или даже подразумевать нанесение какого-либо физического ущерба противнику. Более того, этого следует всячески избегать. В противном случае будет создаваться мощный стимул для ответных действий, что ведет к «автоматическому» повышению уровня эскалации конфликта. Нужно продемонстрировать ему и свою решимость, и непредсказуемость для противника своих последующих шагов, равно как показать беззащитность и уязвимость врага в случае продолжения его агрессии. В конечном итоге следует поставить противника в ситуацию, когда ему самому придется принимать решение или о повышении уровня эскалации (с непредсказуемыми последствиями), или о вступлении в переговоры с оппонентом.

Можно «придумать» целый «набор» действий, отвечающих вышеназванным условиям. Это – и вывод в ходе конфликта в космос «молчащего» искусственного спутника Земли, заставив противника гадать о его предназначении, и одиночный пуск МБР или БРПЛ с болванкой вместо боеголовки в акваторию Мирового океана. Как крайний вариант – это одиночный пуск моноблочной ракеты с болванкой в сторону территории агрессора, и даже по его столице. Разумеется, такие действия являются крайне рискованными, но «демонстрационное» применение ядерного оружия по отдельным объектам противника чревато отнюдь не меньшим риском.

Для обретения возможности «гибкого реагирования» на действия противника в период кризиса необходим достаточно гибкий и управляемый инструмент. И такой инструмент в распоряжении российского руководства уже имеется. Это – ракетные войска стратегического назначения, флот подводных ракетносцев и тяжелых бомбардировщиков. Необходимо лишь придать им необходимые качества для выполнения задач «предъядерного сдерживания». А именно, часть этих средств переоснастить обычными боеголовками и «болванками» и обеспечить надежный негативный и позитивный контроль над ними со стороны Верховного главнокомандующего. Таким образом соблюдается еще одно из положений «Искусства войны» Сунь Цзы, утверждающее, что в бой вступают с правильными (прямыми) частями, а одерживают победу с помощью необычных (гибких) войск. В данном случае «победа» – это достижение целей войны, о которых мы говорили выше.

Верховный главнокомандующий, естественно, должен сохранять «негативный контроль» над стратегическими ядерными вооружениями и возможность передачи полно-

мочий на их применение военным. Но это действие, которое находится уже за границами разумного, следует осуществить только в самой безнадежной ситуации.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Отсутствие в настоящее время широкомасштабных и реальных угроз безопасности России, которые бы потребовали принятия решения о применении ядерных сил, отнюдь не освобождает руководство страны от ответственности «не забывать о войне», включая выработку и совершенствование планов на случай возникновения такой ситуации. Широко распространившийся тезис о том, что ядерное оружие якобы «оружием» не является, поскольку его применение неизбежно ведет к всеобщему уничтожению, остается всего лишь тезисом, равно как и обратное утверждение о неизменной сущности этого оружия как инструмента ведения войны и «иного средства» продолжения политики.

Проверить правильность первого или второго утверждения можно только на практике, когда перед руководством страны проблема принятия решения о применении этого оружия встанет во весь рост. Фактически именно конкретный руководитель единолично «разрешит» данный спор своими действиями или отказом от них. При этом худшим вариантом будет «автоматическое» и «запрограммированное» принятие такого решения в предельно сжатые сроки.

Как мы уже неоднократно повторяли, в наши задачи не входит выдача каких-либо практических рекомендаций по данным вопросам. Мы всего лишь стремились показать, что существуют и другие варианты действий руководства страны в кризисной ситуации, чем те, которые предусмотрены официально утвержденными документами. Во всяком случае, на наш взгляд, более детальное обсуждение этих проблем с учетом многовекового опыта человечества в ведении войн, делу мира отнюдь не повредит.

*«Вэнь-хоу сказал:
«Я не люблю военного дела».*

У Ци ответил: «... В древности глава клана Чэн Цзан совершенствовал добродетель, но пренебрегал военными делами, и тем самым погубил свое государство ...»

У-цзы, V–IV в. до н.э.

Примечания

¹ Существует несколько переводов трактата «Искусство войны» Сунь Цзы и сочинений других китайских стратегов на русский язык. При этом одни и те же цитаты звучат в этих переводах по-разному. В данном случае автором была использована книга «У-Цзын. Семь военных канонов древнего Китая». Перевод с английского Р.В. Котенко, Санкт-Петербург, 1998. 336 с.

² Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. М., Министерство обороны РФ. С. 41.

Интересно отметить, что данная работа, получившая на Западе неофициальное название «Белая книга по вопросам обороны РФ», была опубликована Министерством обороны РФ отдельной брошюрой в конце 2003 г. без указания выходных данных и даже года публикации.

³ Это понятие ввел в обиход известный российский ученый А.А.Кокошин.

⁴ Еще раз подчеркнем, что это – не рекомендации, а просто рассуждения автора.